

АЛЕКС ФРАЙТ

18+

БЫМЕРДАН -
ЖАҒАТЫМ

Алекс Фрайт

Бумеранг-2

«Издательские решения»

Фрайт А.

Бумеранг-2 / А. Фрайт — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-517832-9

Никто в здравом уме не станет заниматься исследованием загадочной деятельности спецслужб. Но, если от решения ребуса зависит жизнь самого близкого человека, то чувство самосохранения отступает на второй план.

ISBN 978-5-00-517832-9

© Фрайт А.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	10
3	13
4	18
5	20
6	23
7	26
8	28
9	34
10	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Бумеранг-2

Алекс Фрайт

© Алекс Фрайт, 2020

ISBN 978-5-0051-7832-9 (т. 2)

ISBN 978-5-0051-7833-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

По узкой улице, которую мог запросто перегородить ребёнок, неторопливо шагал мужчина. Высокий, крепкий, он уверенно передвигался по истёршейся за сотни лет брусчатке, всё глубже погружаясь в чуждый для европейца мир Древнего Востока – мир со своими особыми правилами, который отторгает любого, кто на них не соглашается.

Мужчина миновал проход между домами, больше похожий на пролом в глиняной стене, чем на переулок. Затем заглянул во второй, ещё более мрачный, чем первый. Наконец протиснулся в третий, оборвавшийся через десяток шагов едва заметной дверью. Ноздрей коснулся аромат свежемолотого кофе и кардамона.

Человек трижды стукнул костяшками в разошедшееся дерево, мысленно отсчитал четыре секунды и ударил ещё дважды. Спустя полминуты громыхнул засов. Дверь скрипнула, приоткрылась ровно настолько, чтобы можно было заметить ствол автомата.

– Меня ждут, – сообщил мужчина в тёмную щель и уточнил: – Иршад ждёт.

Дверь распахнулась. Следом за автоматом из темноты появился молодой парень, практически подросток. Он окинул гостя цепким взглядом с ног до головы, опустил оружие.

– Входи, – кивнул он и посторонился.

За низким столиком в крохотной каморке сидели на подушках двое сирийцев. Разница между ними была примерно в полвека.

– Махраба, – поздоровался мужчина. – Мы договаривались о встрече.

Старик степенно кивнул. Затем взглянул на молодого. Тот ответил на приветствие гостя, привстал:

– Кофе?

– Ненавижу кофе, – гость поморщился. – Хотелось бы сразу перейти к цели моего визита.

– Не торопись, дорогой, – предложил Иршад. – Присядь, поешь с дороги, а беседовать потом будем.

Мужчина нахмурился, всем своим видом выражая недовольство – ему никогда не нравились эти восточные церемонии и бесстрастные лица. Не то, чтобы он не любил мусульман – просто не понимал. Сам он был человеком действия. Всегда предпочитал конкретные вопросы и такие же однозначные ответы. Ответов хотелось немедленно, а вот чего совершенно не хотелось, так это долгих рассуждений и коротких, но многозначительных фраз.

На предложенную трапезу он отреагировал небрежной отмашкой, вместо вежливой благодарности. Затем достал из кармана фотографию, на которой были запечатлены мужчина и женщина.

– Это Хромой, – он обвёл ногтем мужское лицо на снимке. – У меня всего два вопроса: настоящее имя этого человека и его местонахождение.

Второй сириец покосился на старика. Тот, прикрыв глаза, перебирал пальцами правой руки костяные чётки. Левая указала на молодого, предлагая тому взять общение на себя.

Парень протянул руку, развернул фотографию к лампе так, чтобы на неё попало больше света. Несколько долгих секунд он внимательно рассматривал фото. Затем осторожно положил снимок перед собой.

– Женщину я никогда не встречал, – сообщил он. – Кто она?

Гость чутко отреагировал на едва заметное изменение в голосе. Ему часто приходилось лично допрашивать множество людей в поисках одного единственного точного факта, чтобы досконально разбираться в малейших нюансах речи. Всё-таки это было частью его профессии. И в ответ на тщательно подавляемое восхищение на бесстрастном лице, он понимающе усмехнулся.

– Аста Валерьяновна Таболич. Бывший капитан контрразведки. 32 года, детей нет. Одинаково хорошо стреляет из любого оружия. Ах, да, есть в ней одна странность: натуральная блондинка, но упорно красит волосы в тёмный цвет. Но, несмотря на это, всё равно остаётся чертовски привлекательной для чёрных... Э-э-э... восточных мужчин.

Сириец непроизвольно взглянул на снимок ещё раз.

– Очень красивая, – легко согласился он.

– Я ответил на вопрос. Теперь хочу услышать и о мужчине рядом с ней, – напомнил гость.

– Только о нём?

– Мне необходимо знать настоящее имя Хромого и место, где его можно встретить. Найду его – найду и её. Всё просто. Итак, кто он?

– Определённо тот самый человек, о котором вы спрашиваете. Что-нибудь ещё?

Гость стиснул кулаки. Быстро просчитав в уме до десяти, повторил вопрос.

– Ответа не будет, – твёрдым голосом сообщил сириец.

Отказ прозвучал настолько обескураживающе, что мужчина даже качнулся ближе и недоумённо моргнул.

– Нет?! – неподдельно удивился он. Выдохнув под нос неразборчивое ругательство, уточнил: – Меня прислал генерал Горбачевич. Была договорённость.

Сириец не стал отрицать очевидного, кивнул в знак согласия:

– Была.

Гость перевёл взгляд на старика.

– Что-то изменилось? – язвительно поинтересовался он.

Старик Иршад продолжал сидеть с закрытыми глазами: перекатывались в пальцах чёрные косточки чётков, едва заметно шевелились губы, шепча молитву.

– Не плюй в колодец, – внезапно произнёс он. – Генерал помнит такую поговорку?

– Давайте, без намёков, – раздражённо отозвался мужчина.

– Мы не будем помогать, – пояснил Иршад, открывая глаза. – И объяснять причину отказа тоже не будем.

– Значит, я приехал зря?

– Можно сказать и так. Мы обеспечим безопасность и сопровождение до аэропорта.

– И всё-таки? – гость пристально посмотрел в глаза сирийцу.

– Другого ответа у меня нет, да и взять его негде.

Старик спокойно встретил жёсткий взгляд. Он многое хотел бы сказать этому человеку из госбезопасности далёкой страны, многое и очень оскорбительное. Однако промолчал. Для него подобные люди были сродни сорвавшимся с цепи псам, набросившимися на одинокого путника. Правда, в этот раз вместо жертвы они нарвались на охотника.

Молодой откровенно усмехнулся. Никаких других чувств, кроме злорадства, он к гостю не испытывал.

Мужчина расценил его усмешку, как издёвку. Он помрачнел и поднялся. Было очевидно, что такой холодный приём и быстрый отказ оказались для него полной неожиданностью. Впрочем, на чём-то настаивать и требовать выполнения устных обещаний он не собирался.

– Что я должен передать генералу? – абсолютно спокойно спросил он.

Старик пожевал губами, прежде, чем ответить:

– Вы убили самого близкого Хромого человека. Не лично вы, но ситуацию это не изменит. Передайте генералу мои соболезнования. Он поймёт.

Больше с его губ не сорвалось ни одного слова.

Гость окинул старика безразличным взглядом, пожал плечами:

– Знаете, мне всё равно.

После этих слов он резко развернулся и направился к выходу. Уже у самого порога самообладание ему всё-таки изменило. Он пнул скамью и хлопнул дверью, продолжая ругаться сквозь зубы уже снаружи.

– Кто же она такая на самом деле? – молодой сириец восхищённо прищёлкнул языком и посмотрел на старика.

Так как заинтересованность вопросом совершенно не отразилась на лице Иршада, он указал подбородком на снимок, то ли в спешке забытый, то ли специально оставленный гостем. Тогда молодой решил, что старик не расслышал и хотел спросить ещё раз, но вместо вопроса задумчиво протянул:

– Красивая...

Старик пробормотал в бороду что-то неразборчивое. Затем тяжело вздохнул:

– Что можно ждать от такой женщины, кроме предательства?

Внезапно ему подумалось, что Аллах не станет осуждать Хромого, когда тот расправится с Ольгой. Насколько Иршад помнил, именно так зовут дочь генерала Горбачевича. А то, что у человека с большими звёздами появилась скверная привычка плевать в колодец, то это было вполне себе предсказуемым – бессмысленное убийство Анхар явное тому подтверждение. Мало было генералу её матери, так и чужая дочь, которая никогда не слышала о своём отце, чем-то помешала. Так что, в этой чудовищной и запутанной истории он был полностью на стороне Хромого. Было и ещё одно «за»...

Он сидел и вспоминал, как повинуюсь внезапному порыву доказать, что в его стране продолжается геноцид, привёл Хромого вместе с Анхар в разбомблённый детский сад: истерзанные взрывом маленькие тела, обгоревшие игрушки и... Запах! Старик его чувствовал и сейчас, слышал скрип зубов, видел слёзы бессилия на лице взрослого, полного сил мужчины. А ещё он чувствовал персональную вину – с того самого дня Анхар практически перестала улыбаться...

Он оперся рукой о низкий столик, чтобы встать. Молодой поспешно вскочил, поддержал его под локоть.

– Неужели Хромой ошибся? – спросил он.

– А вот это вряд ли, – проворчал старик. – Он слишком умён и осторожен, чтобы без достаточных оснований сближаться с чужими. Здесь что-то другое. Может быть, какая-то непонятная никому игра или... Нет, не знаю. Но, в любом случае, последствия будут. Непредсказуемые и страшные последствия. Поддай-ка мне снимок.

Он с трудом разогнул спину и выпрямился, продолжая кривиться так, что морщины растягивались на лице в скорбную гримасу. Затем приблизил фотографию к глазам, подслеповато прищурился.

– Очень похожа... – едва слышно произнёс он и наморщил лоб. Наверное, так бы выглядела Анхар, если бы смогла дожить до её возраста. А ты... Ты стал взрослым, сын, и всё-таки до сегодняшней встречи я в тебе сомневался.

– А теперь? – так же тихо поинтересовался молодой.

Он смотрел на отца так, будто бы ждал откровений мудреца, способных пролить свет на самые туманные изречения пророка.

– Сейчас ты должен и можешь сделать больше меня, – озабочено сказал старик. – Этот человек от генерала... Чтобы его опередить, надо действовать так же – найди Хромого. Передай, что их цель не эта женщина. А ещё...

Прервал его сухой треск автоматной очереди. Следом резкие хлопки одиночных выстрелов. Прогремела ещё одна отрывистая очередь, сопровождаемая истошными криками. Затем в оглушающей тишине скрипнула дверь.

– Забыл попрощаться, – спокойно произнёс человек от генерала, направив на Иршада оружие. – Как-то не очень вежливо получилось.

Он сокрушённо покачал головой и, практически не целясь, выстрелил старику в голову. Следующая пуля досталась его сыну. Потом он наклонился и поднял фотографию. Затолкав её во внутренний карман, подхватил с деревянного подноса виноградную гроздь. Отщипнув пару ягод, бросил в рот и шагнул к дверям. Уже на пороге обернулся, окинул распластанные тела безразличным взглядом и пробурчал себе под нос:

– И всё-таки, что мне сказать генералу?

2

Полковник Ярцев захлопнул дверцу автомобиля. Стекло опустилось на ширину ладони. Из полутьмы салона сверкнули глаза, проткнув в груди майора Матусевича две дыры.

– Если что-то неясно – пишите рапорт! – отчеканил полковник и откинулся на спинку сидения.

Майор скрипнул зубами. Противостояние с начальством всегда начинается неожиданно, но заканчивается крайне предсказуемо. Он знал об этом не понаслышке – прочувствовал на своей шкуре неоднократно. Неделю назад он вернулся со службы абсолютно спокойным и уверенным в себе. Три дня назад всё рухнуло, а сегодняшнее хмурое утро издевательски перечеркнуло едва теплившую надежду жирным крестом.

Матусевич напряг скулы, на висках набухли вены. После трагической гибели группы Баргуна он с трепетом ожидал кадровых перестановок в управлении – дождался!

Тонированное стекло поднялось. Взревел двигатель, выплюнув сизую струю выхлопа.

Майор с отвращением плюнул вслед габаритным огням. Его подвинули самым беспардонным образом – должность, для которой, по собственному мнению, он буквально создан, была уведена из-под носа в самый последний момент, фактически на стадии генеральской резолюции в приказе. Его уже в третий раз оставили с носом – на неопределённый срок и безо всякого намёка на очередное звание. Мало того, вчера началось нечто уж совершенно не постижимое с точки зрения элементарной логики...

В первый момент, услышав от полковника Ярцева приказ, он от удивления моргнул. Судьба нередко была благосклонна к майору, но в этот раз с первого же слова всё пошло наперекосяк. Он решил на всякий случай осторожно намекнуть, что хоть и является сотрудником контрразведки, но всегда занимался только бумажной работой. Так что в сложившейся ситуации от него вряд ли стоит ждать приемлемого результата. Матусевич всё ещё надеялся отсидеться за спинами коллег, хотя за последнюю неделю их количество значительно поредело. Кандидатом в покойники он себя не считал, о чём прямо и заявил.

Ярцев от удивления открыл рот. Пальцы полезли за ворот кителя. Лицо побагровело. Несколько секунд он дёргал узел галстука, а потом врезал кулаком по столу и выставил вперёд подбородок. Палец, словно обвиняя в крупной растрате государственных средств, упёрся в майорскую грудь, а в лицо брызнуло слюной.

– Что ты сказал?! – заорал он.

Матусевич попятился. Ему даже на какое-то время стало страшновато находиться рядом с взбешённым полковником, но ещё больше пугала возможность разделить судьбу капитана Баргуна, да и всех остальных оперативников из группы по делу Хромого. Проведя несколько жутких часов в холодном морге, майор прекрасно понимал, чем всё может закончиться. Пришлось вытянуться по стойке «смирно».

– Слушаюсь, – вымученно произнёс он и поспешно добавил: – Я не подведу

– Завтра в 17:00 ко мне с докладом! – рявкнул Ярцев. – Свободен!

Весь следующий день Матусевич пребывал в состоянии тихого помешательства, но ничего не мог поделать. Он по сию пору не понимал – ни извращённую логику начальства, ни причину, которая помешала ему остаться в морге рядом с телом Баргуна хотя бы ещё на полчаса. Теперь оставалось только молиться, чтобы с ним не поступили так, как подобает действовать по законам военного времени – прикладом по зубным протезам и пулю в лоб...

– Я могу... – он с хрустом сжал кулаки и ещё раз сплюнул. – Много о чём могу написать в рапорте... но пока не буду.

Капитан Буглаков плюнуть не решился. Он козырнул вслед габаритным огням, тактично кашлянул и осторожно спросил:

– Другие варианты у вас остались?

– Конечно, – процедил сквозь зубы майор. – Целых два. Сейчас подумаю, какой из них выбрать – застрелиться или повеситься.

– Так обещали же.

– Хрен с горчицей они обещали!

– А если, действительно, рапорт генералу? Наверняка он разберётся.

Майор окинул своего заместителя подозрительным взглядом и поинтересовался:

– Есть другие предложения, кроме как заткнуться?

На лице капитана проступили явные признаки паники. Он втянул голову в плечи, посмотрел исподлобья на мрачное здание управления контрразведки и задумался.

Матусевич повернул голову в ту же сторону и поинтересовался:

– Страшно стало, что ли?

– Мне скрывать нечего, – буркнул капитан и невольно стрельнул быстрым взглядом по сторонам. – Там не только мне и родственникам – всем знакомым зонд под хвост затолкали.

На самом деле Буглаков явно грешил против истины – ценности, как сотрудник спецслужб, он ни для кого не представлял. Так уж вышло, что, проболтавшись десяток лет в райотделе милиции, капитан был включён руководством в число тех, кого рекомендовали в комитет госбезопасности. То ли его начальник обладал изрядной долей юмора, то ли это была нелепая случайность, но факт оставался фактом – Буглаков получил непыльную должность в одном из отделов комитета, а в придачу право пугать беззащитных граждан корочками с жутким гербом, чем тут же начал злоупотреблять по поводу и без.

Матусевич, будто бы прочитав его мысли, хмыкнул: если, этот придурок и находился под колпаком собственной службы безопасности, то исключительно по причине превышения полномочий и врождённой тупости.

– Язык прикуси, – предложил он. – А то и в самом деле рапорт напишу. Вышвырнут тебя со службы без выходного пособия и глазом не моргнут, а то и посадят.

Капитан поёжился. Какое-то внутреннее уже давно подсказывало, что пора заткнуться, что невидимую черту со своей несдержанностью он уже практически переступил. Однако желание оправдаться, показать, что его слова были восприняты совершенно наоборот, оказалось сильнее здравого смысла.

– Так я же, Анатолий Сергеевич, образно выразился. Так сказать, приукрасил слегка. Думал, что...

– Не надо думать! – грубо оборвал его Матусевич. – Воспаление мозга подхватишь.

Капитан по инерции кивнул. И мгновенно осознал, что едва не получил кучу неприятностей на ровном месте – майор был весьма злопамятным человеком. По правде говоря, Матусевич считался редкостной сволочью даже среди своих.

Майор раздражённо сопел, а Буглаков лихорадочно искал подходящий повод разрядить накаляющуюся ситуацию. Как нельзя кстати в поле его зрения попала эффектная сотрудница с погонами старшего лейтенанта.

– Разрешите? – он расправил плечи, выпятил грудь и с осторожным смешком прибавил: – Если, конечно, это не ваша любимая дочь.

Молодая женщина как раз начала подниматься по ступенькам, придерживая полы шинели. Физиономия майора расплылась в ехидной ухмылке.

– Разрешаю! – с каким-то внезапным злорадством воскликнул он. – Правда, дочка не моя, а генеральская. Ольга Горбачевич собственной персоной.

Буглаков притих. Несколько секунд с угрюмым видом наблюдал, как шинель трётся по женским ягодицам. Потом всё-таки не удержался, брякнул:

– Та самая? Так она же после истории с Хромым...

Майор пнул его в голень ботинком.

– Недавно я услышал нечто подобное от одного клоуна. Ничего хорошего после этого с ним не произошло. Аукнется тебе когда-нибудь такая образность. Помяни моё слово – ещё как аукнется.

3

Ольга неспешно преодолела шесть лестничных маршей до этажа IV отдела. Взглянула на часы – 7:59.

День не задался с самого утра. Она совершенно не желала встречаться с начальником четвёртого отдела. И не только потому, что ей категорически не нравилась его мерзкая физиономия и хамское поведение – просто не желала, и всё! И не встретила бы под страхом смертной казни, если бы не отец. Настроение, и так совсем не радужное в свете последних событий, испортилось окончательно.

«Правильно, – генерал удовлетворённо склонил подбородок, выслушав её аргументы. – Если не хочется всё время чувствовать дыхание Хромого за спиной, то просто-напросто сиди дома. Мы с мамой будем только рады». Она непроизвольно взглянула ему в лицо. Морщины на нём стали глубже, веки набрякли и покраснели, а губы двигались с видимым усилием, будто ему было трудно произносить слова. Взгляд был устремлён куда-то в себя, и поэтому казалось, что он говорит тоже для себя. Поэтому она твёрдо решила, что всё равно попадёт в управление, хотя бы из чувства противоречия.

Четвёртый отдел. Обычное, можно сказать, невзрачное наименование на табличке, а такое многозначительное для осведомлённых: за массивной дверью, покрытой двойным слоем звукоизоляции, располагалась приёмная руководства службы внешних контактов. В переводе на нормальный язык – связующее звено с информаторами и наёмными убийцами за кордоном. Последние здесь были в особом почёте.

Ольга не успела коснуться ручки двери, как та распахнулась. Она отшатнулась и грязно выругалась, когда мимо промчался оперативник, едва не выбив коленом зонт из руки.

– Урод... – буркнула она в спину прыгающему через две ступеньки мужчине.

Она потрясла ушибленной кистью. Сняла перчатку и внимательно осмотрела ногти, даже подула на них. Облегчённо вздохнув, вновь потянулась к ручке, предварительно подперев дверь носком сапога.

В приёмной её встретил гул голосов. Перед кабинетом полковника было многолюдно. В просторном помещении исходили жаром батареи.

Ольга уселась на стул у самой двери подальше от обжигающих радиаторов, расстегнула шинель и натянула юбку на колени, чтобы выглядеть поскромнее. Она никак не могла выбросить из головы эту кучу вешалок с модными тряпками в квартире Ровнейко. Вот, с утра перебрала самое лучшее из того, что нашла в своём гардеробе. Будь у неё чуть больше времени, так обязательно рванула бы в салон красоты, а потом на море – куда ещё шальные деньги девать? Впрочем, рай под жарким солнцем откладывался на неопределённое время – между ней и экзотикой южных островов стоял Хромой. Именно поэтому она была вынуждена остановить выбор на форменной рубашке и ненавистой колючей юбке.

Сейчас, ожидая вызова к полковнику, она смотрела в одну точку перед собой, стараясь не прислушиваться к чужим разговорам. Получалось у неё не очень – гомон в приёмной стоял, как на продуктовом рынке в воскресный день. Сотрудник у окна жаловался, судя по всему, приятелю: «Сын окончил школу и болтается без дела. Ни в институт поступать не желает, ни о профессии какой-никакой подумать. Заработки есть, но, что называется, от случая к случаю, да и те тратит в казино. Всё деньги большие мечтает выиграть...».

Психолог Вера Куницкая со злым лицом что-то выговаривала длинноногой худой девице в откровенно короткой юбке и с вызывающим маникюром накладных ногтей, а та наматывала на палец прядь волос и недовольно сжимала ярко накрашенные губы в точку. Она всё время пыталась вырвать руку из цепких пальцев Куницкой. Перегаром от них несло за три метра.

Ольга досадливо поморщилась – вместо скромной и исполнительной Ровнейко кто-то пристроил на хлебную должность свою любовницу. А вот Ясинская говорила... Ольга потерянно вздохнула – к её огромному сожалению, ничего она больше не скажет.

Дверь в кабинет распахнулась:

– Старший лейтенант Горбачевич.

Она поднялась. Привычным жестом разгладила складки на юбке, поправила неуставной шарф и, не удержавшись, прихлопнула перчатками по бедру. Разговоры вокруг смолкли, как по мановению дирижёрской палочки. Мужчины, присутствующие в приёмной, словно по команде, внезапно повернули головы в её сторону, жадно рассматривая колени и тонкую талию. Никто из них так и не поднял глаз выше её груди, а парочка знакомых женщин, стрельнув глазами по бесстрастному лицу, наоборот, поджали губы и отвернулись.

Ольга ответила презрительным взглядом. Всем одновременно – и мужчинам и женщинам. Всем этим людям, которые когда-то начинали постовыми милиционерами и рядовыми экономистами, а сейчас считали, что успешно противостоят угрозам национальной безопасности. «Люди-кремни, люди-гвозди, – убеждённо говорил о таких Председатель Комитета Государственной Безопасности». «Люди-нелюди, – наедине с ней откровенничала Ясинская. – Профессионалы в кавычках, которые абсолютно осознанно разграничивают совесть и указания руководства. Именно поэтому в шахматы мы играем не фигурами – доской. Причём, не с врагами, а с собственным народом».

Ольга мысленно распяла всех сослуживцев и невозмутимо направилась к кабинету полковника.

Тощая девица наконец-то сумела освободить руку из хватки Куницкой. Пальцы с ядовито-зелёным маникюром забросили прядь волос за ухо. Затем она преградила Ольге путь и небрежно протянула ладонь:

– Я – Лика, – сообщила она. – Новенькая.

– Профессия старенькая, – усмехнулась Ольга, игнорируя её жест.

Девица оторопела. Куницкая тут же потянула её в сторону. Уже у самой двери кабинета в спину резануло многозначительное мужское хмыканье.

Начальник четвёртого отдела имел забавную фамилию – Гриша. Впрочем, в его биографии это был единственный факт, способный вызвать улыбку. В остальном же полковник выглядел, мягко говоря, не очень приятным человеком. Скорее, наоборот: вдавленная точно посередине физиономия вызывала стойкие ассоциации с боксёром, так и не оправившимся от сокрушительного удара.

Ольга вскинула руку с перчатками к виску:

– Здравия желаю.

Полковник едва заметно поморщился. В распахнутой шинели и без головного убора приветствие по уставу было неуместным, если не сказать больше – жест был издевательским. И Гриша, мысленно наградив её парочкой нецензурных эпитетов, поставил в длинный список взаимной неприязни ещё одну «галочку». Хотя ожидать чего-то другого от генеральской дочки, которая провалила разработку по Хромому... Вообще-то, не она одна была причиной, но рухнуло-то всё при её самом деятельном участии.

Гриша указал подбородком на ближайшее кресло. Сочувствовать он не собирался, да и в мыслях ничего подобного не держал.

– Присаживайтесь, Ольга Викторовна. Постараюсь не затягивать, – он откашлялся. – Хмм... нашу незапланированную встречу.

– Надеюсь.

Она устроилась в кресле, закинув ногу на ногу. Смотрела куда-то над его головой с непроницаемым выражением на лице.

Полковник какое-то время рассматривал её колени под чёрным нейлоном, потом протянул руку и щёлкнул выключателем настольной лампы.

– Светло уже, – пояснил он.

Ольга молча кивнула.

– Позвольте небольшое замечание? – спросил он.

Вместо ответа хозяина кабинета получил очередной беззвучный кивок и явно выраженное безразличие.

Гриша насупился. Ольга вела себя не то, чтобы уверенно, но достаточно нагло. Хотя ему стало ясно, что она прилагает все усилия, чтобы за наглостью скрыть тревогу и даже страх.

Полковник задумчиво поскрёб ногтем лоб, прежде чем произнести по поводу этого факта практически целую речь:

– Знаете, по мужской линии в моей семье все военные. Но форма для меня не карнавальный костюм. Однажды в детстве я надел парадный китель отца, а потом вышел во двор покрасоваться аксельбантами и золотыми погонами перед друзьями. За это меня выпороли офицерским ремнём, потому что нельзя просто так взять и надеть форму. Это не одежда – облачение. Это то, в чём люди отправляются на страшную работу – уничтожать себе подобных. И сами могут быть убиты.

Ольга с изумлённым выражением на лице выслушала эту тираду и язвительно заметила:

– А для меня форма – обуза. Ведь я солдат невидимого фронта. И вы, кстати, тоже. Верно?

– Само собой, – полковник напряг скулы. – Но я не родился солдатом. Как и вы, Ольга Викторовна. Та что, давайте перейдём непосредственно к нашему делу.

– Давайте, – легко согласилась она, а пальцы против воли пробежались по пуговицам рубашки, проверяя, всё ли на месте. Потом она раздражённо сорвала неуставной шарфик, скомкала и засунула в карман.

Пауза затягивалась, но полковник не торопился. Час назад у него состоялся весьма неприятный телефонный разговор, в котором генерал Горбачевич сказал, чтобы тот сделал всё возможное и осторожно убедил его дочь, что не в её интересах собственноручно передавать Хромому «чёрную метку». А если он правильно понял недосказанное – чтобы эта барышня не сделала именно то, что пообещала сначала лично Хромому, а потом и отцу. Конечно, Гриша был абсолютно убеждён, что причин для немедленной ликвидации этого человека у Ольги набралось более, чем достаточно, но сам он предпочёл бы не доверять этой девице ничего, кроме сортировки входящей корреспонденции, о чём бы на месте генерала прямо и сказал. Однако, приказ главы контрразведки, пусть и идиотский, всё равно остаётся приказом. Хотя... В этой давней истории, изобилующей странностями и неразрешимыми противоречиями, ставящими всех аналитиков в тупик, его почему-то интересовало совершенно другое: «Что произойдёт потом?!».

Наконец он решил, что время ходить вокруг да около закончилось. Перегнул через стол и сообщил:

– По-моему, в вашем деле слишком много нестыковок. Чем глубже в него вникаю, тем больше оно кажется искусственно усложнённым.

Ольга прищурилась. У неё была абсолютно ясная цель, но она ни с кем не собиралась обсуждать причины, предшествовавшие сложившейся ситуации. Слепая вера в удачу обернулась разочарованием, после которого некоторое время вообще не хотелось жить. Это поганое чувство постоянно сидело внутри. Постоянно! И она сама подалась к полковнику ближе.

– А мне кажется, – язвительно сказала она, – что всё предельно просто.

– Это потому, что теперь в этом весь смысл вашей жизни?

– Интересно, как смерть Хромого изменит мою жизнь?

– Как – это уже не мне решать.

Ольге стало как-то не по себе. В мысли вмешался страх, причём совершенно непонятно откуда взявшийся. По сути, бояться у себя в стране было нечего, но она постоянно оглядывалась днём, а внезапно просыпаясь посреди ночи, лежала с распахнутыми глазами и прислушивалась к каждому неясному звуку... Хромой снился с поразительным постоянством – он стал символом её жизни.

Ольга сверкнула глазами:

– Хромой – цель! Цель, а не смысл. Понимаете, товарищ полковник?

Грише захотелось сказать, что сотрудник контрразведки с таким шальным взглядом гарантировано стоит одной ногой в могиле. Однако он сдержался и напомнил:

– Вы, безусловно, имеете полное право ставить перед собой любые цели. Можете даже запланировать свою свадьбу на Луне и выслать мне приглашение. Однако, не вам указывать, как мне отреагировать на подобную глупость. Доходчиво изъясняюсь, товарищ старший лейтенант?

– Не поняла... – протянула Ольга.

– Выбирать не вам, – пояснил Гриша ледяным тоном. – Потому что в этом кабинете всё решаю я. Как вам такая схема?

– И что же в вашей схеме делаю я?! – вскинулась Ольга.

– Вы реализуете своё чувство мести.

– Я не услышала главного – как?! С расстояния в тысячу километров?

– Всё-таки непременно желаете сопроводить его на тот свет собственноручно?

– Так точно! И мне нужен контакт за кордоном, который окажет содействие. Вот и всё, что от вас требуется.

– Разве я похож на волшебника?

– На гоблина, – пробурчала она себе под нос, а уже вслух агрессивно поинтересовалась: – Так что, будет человек из вашего списка?

Полковник наморщил лоб, долго растирал подбородок. «Ни одного шанса, – злорадно подумал он. – Ни одного! Прикончил бы её Хромой и глазом не моргнул. Хрен с ней, конечно, но всё-таки жалко – красивая девка». Но сказал он совершенно не то, что вертелось на языке:

– Такой человек есть. Очень необычная личность. Странный, со своими вывихами в голове. Хромой номер два, так сказать. Всё, за что он берётся, приносит ожидаемый результат. Я организую вам встречу без посредников и, если сможете быть убедительной, то он окажет полное содействие. Его зовут Штольц.

Ольга слегка опешила:

– Немец...

– Какая разница?

– С немцами работать не буду!

Полковник скривился:

– Может быть, озвучите причину?

– Генрих Хаубе! – отчеканила она. – Тоже со своими тараканами в голове. Феномен вашими же словами. Могу подсказать номер холодильника в морге, где лежит Ясинская после совместной с ним работы.

– М-да... – многозначительно протянул Гриша.

– Что вы там мычите? – окрысилась Ольга.

Полковник выдержал мхатовскую паузу и неторопливо, смакуя каждый слог, произнёс:

– Не желаете сотрудничать – никакой помощи оказано не будет.

– Да, уже не хочу! – она вздёрнула вверх подбородок.

– Надеюсь, генерал услышит те же слова, что и я? – усмехнулся он.

Ответом на вопрос был уничижительный взгляд.

Ольга откинулась на спинку кресла, попыталась принять более непринуждённую позу, но под взглядом полковника всё вышло как-то неуклюже. Несколько секунд они смотрели друг другу в глаза: он со скрытой угрозой, она с бессильной злостью.

В конце концов Гриша пожал плечами, отвернулся.

– Баба с воза – кобыле легче, – с плохо скрываемой досадой пробурчал он и выдвинул ящик стола. Звякнуло стекло.

Полковник добавил к бутылке стакан. Потом ещё раз окинул молодую женщину оценивающим взглядом. «Вот ведь сопливая сучка... – мрачно подумал он. – В конце концов, столько оперативников положили по её вине, а она мне тут истерики закатывает...».

Он встал, прошёлся по кабинету, а затем резко склонился над Ольгой и прошипел ей прямо в лицо:

– А что будет потом?!

Она отпрянула от неожиданности, облизнула внезапно пересохшие губы:

– Никогда не задумывалась.

– Вот именно, – процедил полковник. – Никто из вас не задумывается.

Он хотел уточнить, что «вас» – это она и папа. Ему очень хотелось добавить, что в общем и целом, и генерал, и его дочь уже практически отработанный материал – недовольство на самом верху вот-то выплеснется репрессиями. И хотя полковник и сам являлся одним из организаторов разгорающегося скандала, по мере сил подливал масла в пламя мнительности Председателя Комитета, но открыто высказываться не стал – ещё не время. Как-то обречённо махнув рукой, он вернулся на своё место, плеснул из бутылки в стакан и залпом выпил.

Лицо Ольги окаменело. Она прекрасно поняла недосказанное. Намёк полковника Гриши ей очень и очень не понравился, тем более, что группу Баргуна, в полном составе лежавшую в холодильнике, всё равно никто не в силах воскресить.

– Разрешите идти? – она резко поднялась.

– Не задерживаю, – он вяло кивнул и потянулся к бутылке.

4

День едва перевалил за полдень, а майор Матусевич уже выглядел уставшим и раздражённым. Последний час выдался особенно тяжёлым – совещание у полковника Гриши, на которое ему приказали явиться, выбило из привычной рабочей колеи. Да и ранее состоявшийся разговор с Ярцевым оптимизма не добавлял. И сейчас, потирая подбородок, он отрешённо разглядывал казённую папку: штамп «Совершенно секретно» и одно короткое слово под ним – «Боул». Для получения доступа к архивной разработке пришлось приложить массу усилий, и он очень надеялся, что они того стоили. В противном случае не санкционированное руководством любопытство гарантировало такие серьёзные последствия, что он просто не мог подобрать подходящее определение для их тяжести.

Майор вздохнул – если уж пошла чёрная полоса, то надолго. К тому же и запрос на отпуск повис в воздухе на неопределённое время. Отдохнуть хотелось нестерпимо, да и дочь уже месяц настаивает на совместной поездке на море. С дочкой он бы с удовольствием, а вот как быть с женой...

При мыслях о супруге он скривился. Провести две недели в её обществе не хотелось категорически, и причина лежала совершенно в другой плоскости, нежели тяготы семейной жизни. «Может быть, хорошо, что всё так складывается? – подумалось ему. – Ну его, это море. Да и эту блудливую суку пореже видеть придётся». Он сам понимал, что виной всему его служба. И тут приходилось спорить только с самим собой, ибо с женой он не спорил уже давно.

Матусевич прихлопнул ладонью и перевёл задумчивый взгляд на жизнерадостную физиономию бывшего заместителя. Затем сокрушённо покачал головой и как-то озабоченно проворчал:

– За кордон тебя отправляют. Слышал?

Капитан Буглаков уже пять минут с интересом наблюдал за сменой гаммы чувств на лице Матусевича. Затем непроизвольно растянул губы в широкой улыбке.

– Так точно, Анатолий Сергеевич, – охотно подтвердил он и небрежно козырнул.

Матусевич придвинул к себе личное дело Буглакова. Пальцы потеревали верёвочный узел.

– Родителя своего Анатолием называй, – процедил он. – А меня – товарищ майор. Усёк?

– Так точно! – капитан, демонстративно щёлкнул каблуками. О переводе он уже знал, так что козырнул ещё раз и мысленно послал бывшее начальство подальше.

Майор освободил папку от верёвочного замка. Аккуратно нацепил на нос очки, пробежался взглядом по первой странице. За стёклами очков мелькнуло злое удовлетворение.

– Я был категорически против, – отчётливо произнёс он. – Это так, к сведению.

Буглаков пожал плечами, а Матусевич подцепил ногтем уголок листа и попробовал перевернуть страницу. После двух неудачных попыток поспешил палец, оставив на бумаге мокрый отпечаток.

– К вашему сведению, товарищ майор, – капитан едва удержался от язвительной насмешки, – так делать некультурно.

– Давно навоз из-под коров выгребал? – абсолютно спокойно поинтересовался Матусевич и вдруг обозлился: – Деревня на роже топором рублена, а всё туда же! Интеллигент хренов!

Капитан насупись. Резкая отповедь майора напомнила о самом больном в его биографии – происхождении.

– Я был против, – повторился Матусевич и посмотрел на Буглакова поверх очков. – Знание языков на уровне третьего класса. Оценки по основным предметам совсем не впечатляют, да и общее образование какое-то жиденькое. Как был двоечником, так им и остался. Я бы на месте экзаменаторов тебе не аттестат, а волчий билет выдал.

Буглаков сник под испытующим взглядом – вспоминать юность решительно не хотелось. В сельской школе он не учился, а периодически присутствовал. Само собой, и аттестат вышел не самым симпатичным: только одна четвёрка – по физкультуре. С такими успехами в университет не поступишь. Да не больно-то и хотелось напрягаться с бессмысленной подготовкой. Поэтому он перебрался в ближайший город, где был с распростёртыми объятиями принят в сельскохозяйственное училище. Через год двинул в столицу. Там поступил в профильный колледж уровнем повыше. Стипендии на жизнь и на «выпить с друзьями» катастрофически не хватало, а в общежитии полно девушек. Возраст-то боевой. Вот тогда и случилось прозрение: «Хочешь что-то иметь – надо ломиться в силовые структуры».

Правда, майору об этом он сказать не решился, как и о том, что всех его амбиций едва хватило на должность участкового.

– Образование у меня есть, – угрюмо сообщил он. – Да и диплом, между прочим, имеется. Могу хоть сейчас принести и показать.

– Маме покажи, – ухмыльнулся майор. – Пусть старушка порадуетя.

После этих слов он снял очки, спрятал их в футляр и наставительным тоном перечислил всем известные пункты из памятки полевому оперативнику:

– Речь должна быть сдержанной, улыбка – дежурной, а самообладание – предельным. Никаких эмоций на твоей крестьянской физиономии быть не должно, а ты ёрзаешь и гримасничаешь, как пациент психушки. Ладно, чёрт с тобой. Полковник Гриша заждался. Вот пусть он тебе ижицу и прописывает. Давай, вали отсюда.

Когда испуганная ухмылка Буглакова скрылась за дверью, майор неторопливо завязал тесёмки на его личном деле. Пару раз подкинул папку на ладони, будто взвешивая.

– Лёгкая совсем, – произнёс как бы сам для себя. – Чувствую, такой и останется. К майским наградим посмертно, председатель подпишет благодарность родителям... Фото под стекло на доску почёта... и на этом снимке капитан Буглаков будет выглядеть таким же прикурком, каким и был в жизни.

Он дотянулся до пульта, включил телевизор – симпатичная диктор уверенно рассказывала о неоспоримых преимуществах страны для жизни.

После новостей пошла реклама туристического агентства. «Надо же... – майор вздохнул. – Забудешь тут о море...».

Он прикрыл глаза, задумался. В этот раз мысли были такими же приятными, как улыбка практически обнажённой загорелой девушки на экране. Он представил одноэтажный домик – таких множество на побережье, – сдают на сезон. Мебель по минимуму, плитка, холодильник, телевизор... Ещё что-нибудь... Короче, жить можно. Нырять с маской в прозрачную глупину, загорать, по вечерам гонять назойливую мошкарку и неторопливо потягивать через соломинку крепкий коктейль... А если до моря рукой подать и до ближайшей растительности пара сотен метров, а то и больше – сущая благодать... Главное, без этой суки рядом... без ухмылок на смуглых физиономиях... без невыносимого желания скормить так называемую супругу акулам...

Тряхнув головой, он прогнал навязчивые мысли. Затем нащупал закладку в папке «Боул», сосредоточился и углубился в чтение.

5

Финансовый отдел располагался в подвальном этаже. Капитан Пряничный неторопливо шаркал по коридору и выворачивал шею, бросая многозначительные взгляды на портфель Буглакова. Он подбрасывал связку ключей в одной руке, а пальцами второй яростно скрёб затылок.

В конце концов Буглаков не выдержал. После очередной встречи ногтей Пряничного с дряблыми складками кожи, раздражённым голосом спросил:

– Вшей гоняешь?

– Лень смеяться, – охотно отозвался Пряничный. – Выглядишь, как бухгалтер из захудалого колхоза. Хотя, что тут сказать: сильна в тебе деревня, клещами не вырвать.

Буглаков словно на стену наткнулся. Вцепился Пряничному в плечо, рванул к себе.

– Ну-ка, повтори... – он скрипнул зубами.

Тот стряхнул его руку, прищурился:

– Вы мне что, капитан, угрожать вздумали?

Буглаков мгновенно осознал, что рапорт от этой сволочи гарантированно оставит его в стране. Плюс служебное расследование, идиотские вопросы у психолога Куницкой со всеми вытекающими и, как следствие – пинок под зад из органов.

С Веркой, то есть, с Верой Павловной Куницкой, у него давние счёты, и виной всему, как он считал и продолжает считать, именно эта дрянь. История и вправду вышла мерзкая. Широкой огласки она не получила, но всё-таки изредка всплывала, просачивалась между кабинетами ехидными смешками и скабрёзными намёками. Так что новое столкновение с психологом после того гадкого скандала было равносильно торжественному вручению «волчьего билета». Тут не только приятная во всех отношениях служба полетит под откос – тюремной баланды можно хлебнуть по самую макушку... Новенький «SONY» с великолепными характеристиками, мечта любого, кто хоть чуть-чуть разбирается в качестве изображения. Буглаков неделю не мог насладиться фактом обладания этим устройством. Он частенько вставал посреди ночи, присаживался на корточки перед огромной панелью и заморожено смотрел в отражение уличных фонарей в чёрной глубине стекла. Приобретение было стоящим, что и говорить... И вот в это единение с чудом инженерной мысли вмещалась именно любвеобильная Верка Куницкая.

– Елозишь всю ночь не там, где должен! – вскинулась она с дивана чудовищным белым привидением. – Импотент хренов!

А потом... потом она запустила в него бутылкой. Среагировать-то он успел, втянул голову в плечи... Ту ночь, когда шикарный экран брызнул во все стороны осколками стекла, капитан запомнил на всю оставшуюся жизнь. Уничтожив любимую составляющую его холостяцкого быта, Куницкая превратилась в злейшего врага. Одно упоминание её имени выводило из себя, и что было самым обидным, исключая астрономическую сумму всё ещё непогашенного кредита, так и припечатать психолога каким-нибудь компроматом пока не получалось. И с каждым днём ненависть полыхала всё жарче, туманила разум, ожидая своего часа...

– Замнём, а? – виновато буркнул он. – Что-то накипело после беседы с бывшим начальством.

– Нервный ты, – хихикнул Пряничный. – Смотри, спалят тебя за кордоном на раз-два, а собранные грибы и шишки, как отвлекающие от разведки предметы, отправят в желудок без термической обработки. К тому же портфель этот... Ладно, остынь. Портфель как портфель.

Он дёрнул себя за погон, проверяя, крепко ли тот держится после хватки Буглакова. Затем вяло махнул рукой и развернулся в прежнем направлении. Теперь Пряничный не шёл – шествовал, одновременно почёсывая зад под кителем.

Буглаков поплёлся следом, страстно желая вогнать носок ботинка между толстых ягод.

Уже в кабинете, когда за спиной щёлкнул замок, Пряничный развернулся и в упор спросил:

– У тебя какие мысли?

– По поводу чего?

– Не чего, а кого. Этой... Асты Таболич.

– Никаких, – коротко ответил Буглаков. Мыслей у него было полно, но желания без особой необходимости молотить языком не испытывал – не хватало ещё на прослушку напороться. Он отрицательно мотнул головой: – С какой стати я должен о ней думать?

– Не скажи, – ухмыльнулся Пряничный. – Всё-таки теперь она – враг.

– А мне какое дело. Не она, так другая. Кругом враги, – отмахнулся Буглаков.

– Вот встретишь её за кордоном... – Пряничный причмокнул и закатил глаза. Казалось, его буквально распирало желание поговорить о сбежавшем за границу капитане Таболич. – Я бы её...

Буглаков подбоченился, выставил вперёд подбородок:

– Да ну?

Впрочем, он его понимал – была бы там какая-нибудь... Совершенно некстати перед глазами вновь возникло рыхлое тело Куницкой. Он передёрнулся.

Пряничный не отставал:

– Вот ты мне объясни: как так? Сидел себе сидел и вдруг – бац! Ну, майора точно дадут. Хотя, кто их, генералов, знает. Тебя ведь к оперативной работе не готовили. Так что, смотри, на буржуйские соблазны не поддавайся, а то... Бабах, и всё!

– Что всё?

– Ни родины, ни флага.

Намёк был настолько прозрачным, что Буглаков не удержался. Сквозь зубы шёпотом объяснил, что, по его мнению, выбор пал на неподготовленного сотрудника, потому что из тех, кто был в курсе всех деталей разработки по Хромому, никого в живых не осталось. Вообще-то и начальство, то, что прямо под генералом, тоже сильно поредело. А то, что пережило чистку рядов, сейчас было по уши в каких-то сложных и нервных разборках, непонятных простым смертным. Так сказать, старалось соответствовать «правильному курсу», а, как показывает практика, угадать его не так-то просто.

Пряничный удивлённо тарачившийся на него на протяжении этого сбивчивого монолога, что-то проворчал себе под нос и хлопнул на стол ведомость.

– Пусть заткнут свои пропагандистские лозунги в одно место, – подвёл он итог откровениям Буглакова. – Все должны работать профессионально, не подвергая бессмысленному риску жизнь подчинённых.

– Мне деньги и пакет передать надо, – возразил тот. – И ничего больше!

– Святая простота, – Пряничный в очередной раз поскрёб затылок. – Для каждой работы свой инструмент, а оперативник из тебя, прямо скажем, такой же, как из меня папа римский. Так что всё ещё страшнее, чем ты мне тут пытаешь представить.

В кабинете стало тихо, только под столом шумели лопасти теплового вентилятора, лениво гоняя затхлый воздух.

После непродолжительной паузы Пряничный достал из сейфа металлический ящик, открыл.

– Помолчим лучше, – угрюмо предложил он. – Гонорар считать будем.

Буглаков удивился:

– Наличными?!

Пряничный промолчал. Старательно сопел, пересчитывая банкноты. Через пару минут закончил, с силой вогнал руки в карманы, вывернул наизнанку:

– А банковским счётом теперь наша беглянка распоряжается.

– Ничего себе...

– Думаешь, почему её не прикончили, пока в стране была? Хромой спас? Да ни хрена подобного! Здесь никто не понимает, каким образом ей удалось повернуть такое дело и переписать себя единственным владельцем счёта.

Буглаков внезапно охрип:

– Много там?

– Завод построить можно. И не один, судя по всему. Так что все стоят на ушах. А если узнает этот... – Пряничный ткнул пальцем в потолок и притих.

Несколько долгих секунд они молча смотрели на портрет президента, а тот в ответ выкапывал глаза, налитые кровью. Буглаков поёжился и испуганно оглянулся на дверь. Пряничный проследил за его взглядом, вновь поскрёб затылок и решил завтра же проверить кабинет на наличие «жучков», – так, на всякий случай.

– Подпиши, – ноготь подчеркнул нужное место.

Буглаков непроизвольно сглотнул, склонился над ведомостью с единственной строчкой над своей фамилией. Он даже перевернул лист бумаги с жирной фиолетовой печатью и проверил его девственную чистоту с обратной стороны. И, прежде чем оставить подпись, трижды внимательно пересчитал нули в сумме.

Пряничный подул на чернила и издал какой-то странный вздох – то ли сочувственный, то ли скорбный:

– Ни пуха.

– К чёрту, – уныло отозвался Буглаков.

Щёлкнув замками портфеля, он направился по коридору к лестнице, с хмурым видом размышляя над словами Пряничного. И с каждым шагом мысли становились всё мрачнее.

«Боул... – вспомнилось с внезапным бешенством. – Нет такого слова! Боул, товарищ майор, боул! Корчат тут из себя образованных... Деревня... Навоз из-под коров...».

6

Боул появилась на кладбище в сумерках. Оказаться на открытом месте в её положении было безрассудством, но что сделано, то сделано.

– Одну минутку, – пообещала она самой себе. – А Патрик подождёт, не в первый раз.

Ей совсем не хотелось тащиться сюда под дождём через весь старый город. Ещё меньше хотелось встретить кого-нибудь из прошлой жизни. Риск был велик, но она ничего не могла с собой поделать – желание плюнуть на заросшую сорняками могилу зашкаливало.

Ветер усилился, пытался вывернуть зонт наизнанку. Дождь сёк по чёрному граниту надгробий, а где-то неподалёку очумело выли собаки.

Боул поёжилась и поддёрнула воротник плаща, неловко прижимая рукоять зонта подбородком. Рука скользнула в карман. Озябшие пальцы нащупали сигареты. Прикурить удалось с трудом.

Вместе с порывом ветра накатила тревога. Боул прислушалась, а потом и оглянулась – ничего подозрительного. Однако ощущение чужого присутствия никуда не делось.

Ветер швырнул в лицо целую пригоршню дождевых капель. Она выплюнула промокшую сигарету, грязно выругалась.

– Мерзкая погода, – сказала самой себе. – Было бы неплохо где-нибудь укрыться.

– Почему бы и нет, – согласился женский голос за спиной. – Я знаю одно подходящее местечко.

Боул вздрогнула. Слизнув с губ влагу, скрипнула зубами. Пальцы выпустили рукоять зонта. Левая рука нырнула в карман, локоть правой рванулся на звук голоса... и пронзил пустоту. В позвоночник между лопатками упёрся ствол пистолета.

– Стой, как стоишь, – предупредила незнакомка. – Смотри перед собой. Пошевелишься – сделаю дырку. Может быть, две.

– Кто ты?

– Неважно. Ходят слухи, что ты ищешь Хромого. Зачем?

Боул безразлично пожала плечами. Палец автоматически нашёл в кармане спусковой крючок «Глока».

– Я похожа на сиделку из приюта? – удивилась она. – Зачем мне хромые?

– Ответ неверный, – спокойно произнесла женщина.

Давление железа на кость усилилось. Боул скривилась:

– На кладбище не хромым ищут, а мёртвых.

– О... Я тоже люблю пошутить. У тебя последний шанс.

Аргумент, прижатый к спине, был не просто серьёзным – смертельным. Было бы полным безрассудством его игнорировать, но угроза оружием никогда её не останавливала. Она демонстративно сплюнула и огрызнулась:

– Придумай сама, куда тебе пойти!

Боул напряглась в ожидании удара коленом в печень, – сама бы так и сделала, а потом рукоятью пистолета по затылку. Однако ничего подобного не произошло.

– Не надо так орать, – женщина за спиной усмехнулась. – И резких движений тоже не надо. Сейчас медленно достанешь руку из кармана, откроешь ладонь. Когда я передам одну вещь, то сделаешь всё в обратном порядке. Смотришь на неё и отвечаешь на вопрос. Ясно?

Боул нехотя кивнула. Отпустив рукоять оружия, протянула назад левую руку. Почувствовав что-то плоское размером меньше спичечного коробка, сжала кулак. Затем поднесла к лицу ближе – на ладони тускло поблёскивал армейский жетон. Её жетон! В глазах зашипало.

– Мне необходимо отыскать одного человека, – отозвалась она и уточнила: – Слышала, что Хромой может найти кого-угодно. Кто-то ведь должен ответить за всё то, что со мной случилось.

– Смотри перед собой, – повторилась женщина. Затем рука в тонкой перчатке протянула над её плечом фотографию. – Вот этого?

Боул едва не рухнула от неожиданности, ошеломлённо провела ладонью по мокрому лицу. Пришлось схватиться за ограду, чтобы удержаться на подгибающихся ногах. Сердце замерло, пропустив пару ударов, а потом заколотилось так, что ей показалось, что звук срывающегося пульса разносится до самого старого города.

– Он... – хрипло выдохнула она. – Где он?!

– Забудь, – возразила женщина. – Ты жива, а Хромой помогает только тем, кто уже не может помочь себе сам – он мстит за мёртвых. Но я могу выслушать и решить: итак, зачем тебе этот человек?

– Я уже умирала... – Боул закашлялась, с трудом протолкнула в горле колючий комок. – У него на руках...

Ствол убрали. Щёлкнул предохранитель.

– Жетон верни и не оборачивайся. Незачем меня рассматривать. Послезавтра в полночь. Кофейня Нехама в арабском квартале. Знаешь, где это?

– Я приду, – едва слышно отозвалась Боул.

– Жетон, – напомнила женщина. – Вцепилась, как клещ.

– Нет! – отрезала Боул. – Эта «собачья бирка» моя!

– Смотри, не потеряй, как в прошлый раз.

За спиной прозвучало приглушённое ругательство, затем звук удаляющихся шагов.

«Послезавтра... – прошептала она. – Скорее бы наступило это чёртово послезавтра...».

Боул скрипнула зубами – рядом с могилой, на которую так и не удалось взглянуть, следует выкопать ещё три. И она прямо сейчас озаботится тем, чтобы у гробовщиков появился повод не расслабляться.

До старых кварталов оставалось идти не более четверти часа, когда дождь практически прекратился. Между ключьями разорванных ветром облаков появились редкие проплешины чистого неба. Площадь у ратуши, обычно напоминающая растревоженный улей, постепенно начинала наполняться народом.

Боул поморщилась, складывая зонт. Туристы, торговцы, карманники, проститутки... Она бы с удовольствием обогнула ярко освещённое открытое пространство, но тогда пришлось бы сделать крюк часа на два, но этих двух часов у неё не было – Патрик, наверное, уже на месте.

Пересекая площадь, она старалась держаться ближе к стенам домов, как вдруг вновь почувствовала себя беззащитной под чьим-то пристальным взглядом.

– Занятно, – буркнула она себе под нос. – Не успела из норы выползти, как уже второй раз за вечер кто-то узнал.

Она совсем не испытывала по этому поводу восторга. Только что её провели, как неопытную девчонку, а сейчас вновь появилась угроза – пока ещё призрачная, но уже практически осязаемая.

Боул повертела головой, изображая восторженного любителя готической архитектуры и попутно просчитывая варианты бегства. Пять минут назад она ощутила робкие признаки опасности: сначала появилась какая-то беспричинная озабоченность, потом чувство, что на твоём затылке поселилась красная точка лазерного прицела, а затем по спине прокатилась волна озноба. Этот неприятный холодок появлялся всегда, когда за ней волочился «хвост», а она привыкла доверять своим инстинктам.

Боул надолго задержалась у витрины магазина, но вновь ничего не заметила. Однако опасность уже сгустилась в воздухе, обволакивала пока ещё призрачной вуалью смерти... Она мысленно выругалась, и мгновенно всё встало на свои места – её не ведут, а исподволь направляют к заливу. А там... Там не то что одинокую женщину – автобус с туристами в морской контейнер упакуют и вывезут. Ещё и местная полиция помощь окажет. Главное, чтобы всё было тихо.

Она покосилась за спину, наверное, в сотый раз. Проверив в кармане оружие, свернула к парку, предлагая «хвосту» хоть как-то себя обозначить.

На повороте громыхал трамвай. И там, где свет его фар выхватил из темноты припаркованный автомобиль, настороженный взгляд Боул выделил и силуэт пригнувшегося мужчины. Тот мгновенно нырнул дальше во тьму. Ещё один, бесцельно слонявшийся на противоположной стороне улицы, последовал его примеру. За спиной послышался звук быстрых шагов и тут же пропал.

Наконец-то преследователи прокололись, а вели её грамотно, шаг за шагом выдавливая из старых кварталов.

– Ночь обещает быть приятной во всех отношениях, – процедила Боул и сплюнула.

Миновав ограду городского парка, за которой грохотала музыка и происходило какое-то броуновское движение с фонарями, она ускорила шаг. Затем побежала, расплёскивая лужи. До спасительного лабиринта узких улочек арабского квартала оставались считанные метры: на машине сюда не проехать – только на своих двоих. Пересечь широкий проспект и всё!

Боул прибавила скорости, но не смогла добраться до перекрёстка. Взвизгнули тормоза, следом хлопнули дверцы автомобиля. Она едва успела увернуться от хватки одного мужчины, как столкнулась со вторым. В последний миг развернулась, наотмашь врезала стволom прямо по перекошенной физиономии и рванула обратно. Позади остались стоны и проклятия. Взревел двигатель. Кто-то бежал наперерез.

Боул была в удобной обуви, и никакие высокие каблуки, скользкие подошвы и узкие юбки не мешали. Она не бежала, а летела. Из последних сил. Словно за спиной выросли крылья.

Она промчалась через площадь, прямо сквозь толпу, пасущуюся среди сувенирных лавочек и кофеен. Свернула в один переулок, во второй... Через пару кварталов замедлила бег до прогулочного шага —оторваться от преследователей вроде бы удалось.

7

Машина стояла в условленном месте. Логар стряхнул воду с полей шляпы и вышел из подвороти на открытое место. Дважды мигнули фары – его ждали. Он подбежал к автомобилю, открыл дверцу и скользнул на пассажирское сидение.

– Мне нужна отсрочка, – произнёс он вместо приветствия. – Один день. Лучше два – для гарантии, – хотя, думаю управлюсь за сутки.

Человек на водительском сидении удивлённо хмыкнул, дёрнул себя за ухо:

– Хочешь сказать, что она так и продолжает рыскать по городу?

Нацепив очки на нос, он принялся внимательно изучать его лицо. Даже подсветил себе мобильным телефоном, несмотря на то, что свет от приборной панели позволял не напрягать глаза.

– Что ты меня разглядываешь? – как можно небрежнее спросил Логар и криво улыбнулся. – Неужели изменился?

Человек за рулём выглядел озадаченным. Он не торопился отвечать, смотрел, как «дворники» размазывают струи дождя по лобовому стеклу. Смотрел и молчал.

В напряжённой тишине Логар почувствовал себя неуютно. Ему пришлось повторить вопрос.

Мужчина метнул в него злой взгляд, напряг желваки:

– Ровно 24 часа. В течении суток недоразумение должно быть исправлено.

За спиной щёлкнул предохранитель, а потом над правым ухом зашуршало и опустилось тонированное стекло. Негромкий смешок слился с шумом дождя:

– У тебя совсем мало времени.

Логару пришлось открыть дверцу и покинуть салон. Крупный мужчина выбрался следом за ним.

– Сделай так, клоун, чтобы мы все поскорее забыли об этой идиотской шутке. Иначе... – он с силой ткнул стволom Логару в живот и уточнил: – Штольц будет расстроен. А когда он расстраивается, то я начинаю нервничать и чувствую себя обязанным оградить и его, и своё спокойствие от самонадеянных придурков.

Тяжёлая рука легла Логару на плечо, а от грубого голоса угрожающе повеяло холодом могилы:

– Ты знаешь, что происходит с клоунами, когда в цирк прихожу я.

После предупреждения мужчина впихнул своё мощное тело обратно в салон автомобиля. Дверца захлопнулась. Стекло поднялось. Машина рванула с места.

«Знаю, – угрюмо подумал Логар, осторожно ощупывая ссадину на скуле. – Очень хорошо знаю...».

За последний месяц он уже в третий раз встречался с этим человеком, хотя в машине всегда присутствовал кто-то ещё на заднем сидении. Логар был абсолютно уверен: если ситуация выйдет из-под контроля, то этот «кто-то» сразу перемешает его мозги с пригоршней свинца. И он никогда не давал повода усомниться в своих намерениях, старался держать руки на виду. Человек за рулём отрешённо выслушивал его, а потом взгляд поднимался к зеркальцу салона. Жуткая усмешка растягивала его губы, когда рука с заднего сидения передавала пухлый конверт. И каждый раз отражение грубого лица в зеркале было таким угрожающим, что в голове Логара начинали копошиться сомнения: сможет ли он уйти живым. Вот и сейчас...

Рука скользнула в карман за мобильным телефоном, но на полпути остановилась. Логар замер. Долго смотрел в ту сторону, откуда пришёл. Женщина! Теперь он отчётливо вспомнил, что в салоне автомобиля на него едва уловимо повеяло смутно знакомым ароматом. Он не обратил на него внимания, так как принял за запах освежителя воздуха. Теперь не про-

сто вспомнил – узнал! И аромат, и женщину! «Пять лет прошло, – он беспомощно оглянулся по сторонам. – Господи... Только бы это было совпадением!».

Сгорбившись, он двинулся в старый город и думал, что обязан успеть, что ещё есть шанс. Мизерный, но хоть какую-то надежду он давал.

Он шёл сквозь дождь и вспоминал, как человек с заднего сидения высматривал в его глазах что-то известное ему одному. Логар абсолютно чётко понимал, что переиграть Штольца ему не суждено, но попытаться всё-таки стоит. Ещё он размышлял о своей судьбе, и о том, какие пакости она ему приготовила.

Звонок от генерала Горбачевича раздался в тот момент, когда он решал судьбу последней сигареты.

8

Ночь обнимала город мокрыми лапами, а воздух настолько пропитался влагой, что казался осязаемым туманом. Боул долго стояла в тени мрачного корпуса заброшенной фабрики, вслушивалась, как дождь выстукивает мелодию вечной сырости по железной крыше старого здания. Убедившись, что опасность миновала, она взглянула на часы и быстрым шагом направилась по своему маршруту – время неумолимо таяло.

Перекрёсток казался безлюдным, но Боул по привычке бросила по сторонам пару косых взглядов и выругалась: и она, и город промокли насквозь. В луже под её ногами отражался жёлтый глаз светофора, а над блестящей сталью трамвайного пути нависала громадина костёла, смутно проступая в темноте стрельчатыми окнами. Внезапный всплеск тревоги заставил её резко обернуться. Некоторое время она пристально всматривалась в призрачные тени под фонарями, мимо которых только что прошла. Потом её лицо вновь скрыл край зонта, и она двинулась навстречу жёлтому пятну света.

Скользкая брусчатка вдоль трамвайного рельса сменилась не менее скользкими камнями мрачного переулка. Проход между домами, узкий и тёмный, казался бесконечным. Здесь она замедлила шаг, а когда глаза немного привыкли к темноте, то решительно направилась в глубину переулка, а уже там свернула в проходной двор.

Через пару сотен шагов она остановилась под каменной аркой, где обшарпанные стены по обе стороны были испещрены надписями, граничащими с безумием и чёрной магией. Внезапно почувствовала, как вспотела левая ладонь, обхватившая рукоять зонта.

От массивной колонны у выхода на скудно освещённую улицу отлепилась плотная тень, кашлянула.

– Проклятый дождь, – сообщил охрипший мужской голос. Он прозвучал тихо, но с явными нотками недовольства. – Надо было фляжку прихватить, а то от этой сырости уже плесень в лёгких завелась.

Женщина тоже обошлась без приветствия. Сложила зонт и осторожно выглянула из-за угла. Затем махнула рукой:

– Время!

Держась в глубокой тени деревьев, мужчина пробежал за ней до следующего квартала, затем пересёк улицу, скрываясь за припаркованными машинами. Перед дверью в многоквартирный дом он выступил на первый план, достал из кармана связку отмычек.

– Что ты с ней сделаешь? – звенящим шёпотом поинтересовался он, нащупывая ногтем личинку замка. – Скажешь пару слов или... сразу?

– По обстоятельствам, – Боул злое усмехнулась. – В любом случае, радости по поводу нашего внезапного визита мы точно не дождёмся.

– Готово, – удовлетворённо выдохнул Патрик. Обернулся вместе со скрипом двери. – Ставлю сотню, что разговора не получится.

– Принимается, – согласилась она. – Я за тобой в двух шагах.

Они бесшумно двинулись мимо лифта к лестнице...

Айрин провела замутнённым взглядом по комнате, недоумённо моргнула: на спинку кресла, будто бы для просушки, аккуратно наброшен плащ, а рядом полураскрытый зонт. Чьи?!

Включился телевизор, разбрасывая по комнате синие сполохи. Она ошеломлённо уставилась на осколки аквариума, обрывки фотографий...

– Логар, твою мать... – ошеломлённо выдавила она из себя мгновенно осипшим голосом. – Что здесь произошло?!

Диктор рассказывал о котировках валют.

Тогда она покрутила головой по сторонам и попыталась протереть глаза. Что-то помешало это сделать. Она на миг замерла, а потом изумлённо уставилась на наручники.

– Что за...

Айрин наморщила лоб. Она совершенно не помнила, чтобы позволила проделать с собой нечто подобное. Логар вообще-то не увлекался мазохизмом, предпочитал классику. Да и она особо не стремилась к экспериментам.

За спиной раздалось лёгкое покашливание.

– Логар! – хрипло позвала она и, выворачивая локти, позвенела наручниками. – Сволочь такая... сними браслеты...

– А вот это вряд ли получится, – произнёс кто-то странно знакомым голосом.

Айрин вытянула шею, заглядывая через плечо. Сквозь похмельный дурман рядом с телевизором проявилось неизвестная мужская физиономия. Затем она рассмотрела чёрный зрачок направленного ей в лицо ствола, а потом и женщину, державшую его в руке.

– Сколько мы с тобой не виделись? – спросила та. – Пять лет. Верно?

Айрин вздрогнула. В горле булькнуло:

– Б-б-боул...

– Обнимать я тебя, конечно, не стану, – скривилась нежданная гостья и мрачно уточнила: – Не за этим пришла.

Айрин исподлобья бросила на неё переполненный ненавистью взгляд, затем принялась материться сквозь зубы.

– Не надо лирики, – поморщился мужчина, обвёл рукой погром в комнате и уточнил: – Чем короче будут монологи, тем быстрее мы с тобой закончим.

Ответом была очередная порция брани. Боул совсем не понравилось, что Айрин как-то уж слишком быстро пришла в себя.

– У тебя есть минута для ответа на простой вопрос, – сказала она.

Самое ужасное, что Айрин только могла ощутить в своём нынешнем положении – это неизбежность грядущего вопроса и свою беззащитность перед ним. Немедленной помощи она вряд ли дождётся, а эта сучка настроена серьёзно. Впрочем, за Боул и раньше не замечалось склонности к розыгрышам.

Она решила потянуть время с надеждой, что Логар вернётся.

– Вопрос... – она прищурилась, пристально рассматривала мужчину. Худой, длинный, невзрачный, но какой-то уж слишком самоуверенный. Да и эта дрянь тоже. «Неужели им удалось прикончить Логара?! – предположение было невероятным, но от этого не стало менее пугающим».

Она повернула голову к женщине:

– Что за вопрос?

– Кто она? – прошипела Боул. – Кто она такая, эта мерзкая тварь? Та, которая превратила меня в калеку?

Айрин сплюнула и поинтересовалась:

– Где ты была столько лет?

Боул едва сдерживалась, чтобы не прибить её на месте. Веко судорожно подёргивалось.

– Там, куда вы отправили. И те, кто меня встретил, были во всех подробностях проинформированы о маршруте, – она криво усмехнулась и вытянула вперёд правую руку, продемонстрировав протез вместо кисти.

– Удобная штука, – издевательски хихикнула Айрин.

Боул ткнула ей в лоб стволом и процедила сквозь зубы:

– Выкладывай! Иначе проделаю дыру и посмотрю сама.

Айрин зажмурилась. Что ей было сказать: «Извини, мы просто решили, что тебе пора сохнуть?». А ведь тогда ей всё казалось проще простого.

Боул размахнулась. Предплечье под протезом отозвалось на удар острой болью.

– Прострели ей что-нибудь, – предложил Патрик. – Например, колено.

Услышав его бесстрастный голос, Айрин вдруг протрезвела окончательно, а протрезвев, осознала – именно так и будет, если она продолжит упираться. Сейчас палец разъярённой Боул дёрнется, а она даже не поймёт, что в этом мире для неё всё закончилось.

– Не надо так на меня так смотреть! – внезапно завопила она, хлюпая разбитым носом. Если бы не наручники, то она бы разорвала внезапно воскресшую Боул в клочья. – Я в спутниковых картах ничего не понимаю!

Айрин скрежетала зубами и пыталась вывернуть кисти из стального капкана. Она ведь была уверена, что Боул давно сдохла. И Логар не сомневался. А тут, как снег в июле... У неё не укладывалось в голове, как та смогла уцелеть. Правда, судя по тому, как она изменилась, плата за жизнь оказалась высокой, а если принимать в расчёт изуродованную руку – чрезмерной. Сейчас же, глядя в перекошенное от бешенства лицо, она поняла, что смерть может быть какой угодно, но всё равно – это будет банальный конец.

– Сука...

«Так и знала, что наступит день, когда всё рухнет, – она лихорадочно искала слова, которые помогут выкарабкаться и уцелеть. – Эта дрянь что-то определённо разнюхала...».

– Это не я! – она пыталась докричаться до Боул. – Оглохла?!

В голове суматошно прыгали мысли. Тогда она осознанно совершила ошибку. Ошибку, которую нельзя исправить. А всё потому, что в январе были уж слишком крепкие морозы.

...Пять лет назад выдалась небывало суровая зима, которая и послужила причиной всему. Синоптики утверждали, что таких морозов уже сто лет не было, а Айрин до зубного скрежета ненавидела холод, не могла к нему привыкнуть и постоянно мечтала о жизни у тёплого моря, – а тут, как по закону подлости, стужа стояла такая, что лопалась кора деревьев.

Боул каждое утро тащила на стрельбище, где, наверное, и застудила мозги. Логар не выпускал телефон из рук, постоянно с кем-то связывался, что-то решал. Райно часами разглядывал спутниковые снимки и рисовал на них одному ему понятные символы. А она, не вылезая из-под стопки одеял, просчитывала тысяча сто первый вариант возможных финансовых вложений. В перерывах между расчётами вглядывалась в круговерть метели за окном и, проклиная всё на свете, ждала весну. И она не смогла отказаться, услышав сумму, названную в качестве аванса. Угрызений совести она не испытывала, а рука не дрогнула, принимая конверт с деньгами. Ведь это из-за Боул она была вынуждена торчать в этом жутком месте, постоянно чувствуя себя так, словно между ног воткнули сосульку.

За столом бара в лагере подготовки их было четверо. Четвёрка из тех, кто ещё держался на ногах: она, Логар, Райно и эта дрянь. Боул и не подозревала, что за чудовищная смесь плещется в её стакане – они постарались всё сделать чисто.

Так они сидели до поздней ночи. Сидели и пили. И когда эта отморозенная на всю голову сучка раздумывала, какую спичку вытянуть, Айрин в мыслях уже лежала на горячем песке полинезийского атолла...

Она вдруг почувствовала, как предательски наполнились слезами глаза.

Боул не сводила с неё бешеного взгляда. Мужчина свернул пробку у бутылки с водой. Та зашипела и выплеснула на пол значительную часть содержимого. Одновременно с этим звуком Айрин ощутила дикое желание немедленно добраться до унитаза.

– Мне надо в туалет! – заорала она.

– Можешь под себя! – отрезала Боул.

Мужчина повернул к ней голову.

– Я не против, – сказал он и отхлебнул прямо из горлышка.

Айрин заёрзала, скрестила ноги и сжала бедра: мочевой пузырь внезапно превратился в надутый до предела воздушный шарик и грозился лопнуть. Оставалось только ткнуть в него иголкой. И Боул охотно примерила на себя эту роль.

– Помочь? – она перехватила оружие за ствол, размахнулась.

Айрин сжалась в комок.

– Нет...

Удар пришёлся в скулу. Айрин со стоном завалилась на бок. Ощущение тёплой струйки между ног вызвало приступ тошноты. Она сглотнула и зажмурилась. Вид загаженного пола был мерзким, а унижение невыносимым.

– Надо же, – удивлённо протянул мужчина. – Тебе удалось напугать её до смерти.

Айрин распахнула глаза.

– Это Логар, – она вытерла подбородок о плечо. – Спроси, когда его встретишь, – почему этот ублюдок вдруг решил вставить себе новые зубы?

– И почему же? – угрюмо поинтересовалась Боул.

– Потому что это он! – завопила Айрин.

– По-твоему я не способна отличить член от вагины? – Боул крутнула стволом у виска. – Я спрашивала не о мужчине.

– Была... – Айрин сплюнула тягучую от крови слюну и скрипнула зубами. – Была и женщина... Красивая шлюха. Такая же, как и ты, но гораздо привлекательнее... Она... Логар сразу наделал в штаны, когда её увидел. Она напугала его даже больше, чем тот человек, который пришёл вместе с ней. А потом...

– Надеюсь, имена у них были? – перебила Боул.

– К женщине никто не обращался, и сама она всё время молчала. Так что найди её и спроси сама. А мужчина... Пять лет прошло... Не помню! – вдруг заорала Айрин. – Штунц, Штанц... Не помню!

– Штольц? – оборвал её вопли мужчина.

– Наверное... не помню точно... – Айрин кинула на него умоляющий взгляд. – Наверное...

Она задёргалась, пытаясь передвинуться на сухое место. От мокрого белья и леденящего страха вверх полз озноб. Она мелко дрожала и выстукивала зубами: от ненависти к Боул и жалости к себе.

– Достаточно! – заявил Патрик. Он вдруг почувствовал себя по-настоящему неудобно, суетливо прибавил звук телевизора. Потом затолкал бутылку с остатками воды в карман и двинулся к двери. Уже от порога с явной озабоченностью обратился к Боул: – У тебя три минуты.

Она отсалютовала ему стволом и сузила глаза.

Патрик поморщился. В этот момент Боул была великолепна. Пришлось отдать ей должное. Он, конечно, и сам любил всякого рода эффекты: изящность, наглость и много чего другого, что примешивалось к их профессии. Вот только сдохнуть он не собирался, потому что сразу поверил Айрин. Провернуть такую шутку с Боул мог только Штольц.

Дверь захлопнулась и всё изменилось в одну секунду. Боул, крадучись, прошлась по комнате и остановилась где-то за спинкой кресла.

– Не надо... – Айрин почти онемела от ужаса. Она отчаянно выворачивала шею, пытаясь увидеть, что та собирается сделать.

– Хотела бы оказаться на моем месте? – шёпотом поинтересовалась Боул.

– Не надо... – Айрин начала заикаться, глотая кровь и слезы. – Это всё Логар... У меня есть деньги. Есть! Я отдам всё!

– По большому счету, не всё можно измерить деньгами.

Голос Боул переполняла тоска, и Айрин вдруг осознала, что ни при каких обстоятельствах не останется в живых.

– Я не хочу... – простонала она.

– А вот я хотела. Очень хотела, но никак не могла сдохнуть.

– Б-б-боул...

– После операции я месяц находилась в полной прострации. Рыдала и не знала, что делать дальше. С тех пор слёз у меня нет, так, одна видимость влаги на ресницах. И все эти годы я просила Бога, чтобы он дал мне сил не сунуть голову в петлю, чтобы не отнял желание дотерпеть до этой минуты.

Теперь Айрин мечтала добраться до ног Боул, обхватить их намертво и умолять о прощении. Наручники не дали ей такой возможности.

– Это Логар...

Боул горько усмехнулась. Она вернулась в поле зрения Айрин, которая отчаянно дёргалась в оковах. Вытянув перед собой протез, прошептала, указывая на задёрнутые шторы:

– Чувствуешь шаги? Это смерть идёт за тобой. Ты только подожди. Осталось совсем немного.

Айрин практически обезумела. Уткнулась бессмысленным взглядом в одну точку на стене, где-то над плечом Боул. Нижняя губа затряслась мелко-мелко, как у ребёнка. Затем она перевела взгляд на окно. Протез стремительно опустился на её голову.

– А ведь какая отличная цепочка у вас получилась: зима, дурацкий спор и ещё множество мелочей, которые только теперь становятся значимыми, – Боул поднесла искусственную кисть к глазам, внимательно её рассмотрела и нахмурилась: – А закончится всё паскуднее некуда.

Она прижала ствол к затылку распластавшейся на полу женщины. Палец коснулся спускового крючка.

– Прощай...

Оглушительная тишина пахла порохом. Боул натянула плащ и ушла, кривясь всем лицом и бормоча под нос ругательства: почему-то вновь невыносимо занули отсутствующие костяшки пальцев на правой руке.

Снаружи серел рассвет и по-прежнему шёл дождь. Боул задумчиво прикусила губу и заглянула в плачущее дождём небо. Подставив лицо холодным каплям, расправила плечи и глубоко вдохнула.

– Думала, не смогу, – тихо сказала она. – Всё-таки...

– Садись! – оборвал её исповедь Патрик и распахнул дверцу. – На поминки нет времени.

Боул скользнула на сидение рядом с ним.

– Кто он?

– Штольц? – мужчина вдавил акселератор. – Господи... Мне надо было сразу развернуться и рвануть из города, как наскипидаренному. И лучше бы ещё вчера... Вот какого хрена я с тобой связался, а?

– Единственная здравая мысль в твоей дремучей голове, – хмыкнула она. – Здравая, но запоздалая. Итак, кто такой Штольц?

Взвизгнули тормоза. Патрик поскрёб подбородок, затем нервно подёргал воротник.

– Мразь, – угрюмо сообщил он и спросил: – Тебе удалось выйти на кого-нибудь из команды Хромого?

– Скорее да, чем нет, – она слегка приподняла бровь. – И причём здесь он?

– Бар у заброшенного причала, – наконец неохотно сообщил он. – Тот, что рядом с остановкой трамвая у завода «Аргос» в рыбацком квартале. Шепни хозяину: бэ-три-ноль-семь. Если он ещё в деле, то это ускорит встречу.

Боул распахнула глаза и прошипела:

– Почему молчал до сих пор?!

Он поёрзал на сидении. Взглянуть в этот миг на искажённое яростью женское лицо хотелось меньше всего на свете.

– Почему-то не было уверенности, что нам окажут... э-м-мм... содействие. Но если существует шанс выбраться из передраги живыми, то было бы полной глупостью не воспользоваться и этим вариантом.

– Штольц так опасен? – небрежно поинтересовалась она.

– Нет, – буркнул мужчина. – Просто о тех, кто рискнул с ним пообщаться с позиции силы, я почему-то узнавал от твоего странного друга, от Корсо. Можешь не сомневаться – человек, который таскает трупы с прозекторского стола в холодильник, не понаслышке знаком со схемой утилизации.

– Не люблю скользкий кафель и запах формальдегида. Я в такие схемы не укладываюсь.

– Это пока не укладываешься... Пока он не узнал.

– Об этой суке?

– О том, что ты жива!

– Ладно, подбросишь меня поближе к потрошителям сардин на «Аргос». И с этой секунды никаких телефонных звонков – планируем действия только при личной встрече на старом месте. Не забыл, где?

– Забудешь тут, – поёжился Патрик.

– Кстати, – она провела ладонью по запотевшему лобовому стеклу и поинтересовалась: – А Хромой на самом деле хромой?

– С чего бы? – удивился Патрик. – Конечно, он не спринтер, но говорят, что прозвище «хромой» ему дали в одном африканском племени где-то в джунглях Тешоара. Вроде бы у них есть легенда об охотнике, у которого на плече тяжёлый мешок с костями врагов. Вот он и движется рывками, как хромой – страшная ноша на одну сторону клонит.

– Он жил в Африке? – она напряглась. – Давно?

– Откуда мне знать, – Патрик переключил скорость. – А для тебя это имеет какое-то значение?

Боул промолчала.

Впереди были самые долгие сутки ожидания в её жизни.

9

Майор Матусевич ждал дочь генерала перед входом в здание контрразведки. Сцепив пальцы за спиной, журавлём вышагивал вдоль ступенек и постоянно бросал нетерпеливые взгляды на стрелки часов на башне старой ратуши.

– Ольга Викторовна! – он преградил ей путь. – Уделите мне пять минут.

Она вопросительно изогнула бровь, рассматривая его монументальную фигуру.

– Майор... – она ждала подсказки.

Он что-то прошептал себе под нос, потом словно спохватился:

– Матусевич Анатолий Сергеевич. Отдел полковника Ярцева.

– Одну минуту, – насмешливо предложила она. – Исключительно по причине того, что не расслышала ваше недовольство, да и перчатки надеть надо.

Майор поморщился, оглянулся на здание управления.

– Профессор Бельский, – сказал он. – Он там, в камере.

– Зачем мне это знать? – она пожала плечами. – Сидит, значит, за дело. Не виновен – доставят домой с извинениями.

– Не доставят, – буркнул Матусевич.

Ольга вновь окинула его взглядом. В этот раз откровенно неприязненным.

– Дайте пройти.

Майор поспешно отступил в сторону, но прекращать разговор не собирался.

– Он работал аналитиком с Таболич, – сообщил ей в спину. – Ещё в самом начале по Африке, а потом и в Сирии.

Ольга словно на стену наткнулась. Спросила, не поворачивая головы:

– Глинтвейном угостите?

Майор тут же перепрыгнул через три ступеньки сразу.

– Да, конечно, – сказал он. – Здесь рядом кофейня открылась.

– Рядом? – Ольга бросила на него косой взгляд. – Вызовите такси.

– Я за рулём, – майор полез в карман за ключами.

– Вы глухой? – прошипела Ольга.

Со второго раза Матусевич намёк понял. Засуетился. Вытянул вместо личного телефона служебный, чертыхнулся:

– Секунду...

Ольга повозила носком сапога по краю лужи, вздохнула:

– У вас доступ к такой информации, а ведёте себя, как... ну вас к чёрту!

Она сдёрнула с руки перчатку, достала свой мобильный и двинулась прочь. Однако даже не воспользовалась телефоном, а сбежала по ступенькам до самого низа. Матусевич рванул следом.

Потрёпанный автомобиль остановился на перекрёстке, ожидая, когда сменится сигнал светофора. Ольга распахнула переднюю дверцу в самый последний момент, когда замигал жёлтый. Майор поспешно втиснулся на заднее сидение.

– Поехали! – рявкнул он на ошеломлённого водителя, размахивая служебным удостоверением. – Быстро и прямо.

Они исколесили, наверное, половину города, пока Ольга не решила, что нашла подходящее место.

– Здесь, – сказала она.

Водитель едва успел притормозить, иначе бы она вышла прямо на дорогу.

– Сдурела! – завопил он и тут же прикусил язык: – Извините, товарищ майор, день какой-то суматошный. Праздники.

В заведении, больше напоминающим гараж, чем кафе, они отыскивали свободное место в самом дальнем углу. Майор мрачно рассматривал интерьер. Дизайнерское своеобразие усиливалось длинными рядами грубо окрашенных металлических конструкций, предназначение которых для него было загадочным. Оглушительно гремела музыка.

– Старый заводской цех, – Ольга обвела рукой «гараж». – Отличное место. Одно железо вокруг.

– И звук такой же, – Матусевич демонстративно поморщился от надсадного рёва динамиков.

Она покачала плечами в ритме громыхающих барабанов:

– Мне нравится.

– А я уже как-никак стар для подобных развлечений, – проворчал майор. – Но, если вам тут удобно, то и я не против.

– Начинайте, – предложила она. – Здесь нас никакой микрофон не достанет.

– У меня есть список, который я бы хотел вам показать, – он постучал костяшками по чугунной пепельнице. – Правда, там всего несколько фамилий, однако...

– Давайте начистоту, – перебила Ольга. – Полковник Ярцев в вашем жалобном списке есть? А полковник Гриша?

Пальцы майора, барабанившие по железу, застыли. Эта девчонка сразу просчитала мотивы, толкнувшие его на встречу. И она была права: прослужил он много, а успех так и не пришёл. Знакомые стали увереннее, приобретали автомобили и квартиры. Матусевичу тоже хотелось денег и устроенности, но пока не получалось.

Принесли глинтвейн и кофе. Пользуясь небольшой паузой, он сделал пару глотков. Ольга обхватила высокий стакан двумя ладонями. Поймав соломинку губами, пристально посмотрела на майора поверх кромки стекла.

Матусевичу вдруг надоело играть роль обиженного просителя.

– Есть! – резко сказал он. – Своё унижение я помню и обязательно с ними поделюсь. Поделюсь с избытком! Но это к нашему разговору не имеет отношения.

– А что имеет? – насмешливо поинтересовалась Ольга.

– Таболич, – выдохнул майор. – Бельский и вопросы.

– Это такая дурацкая шутка? – возмутилась она. – Постоянно напоминать мне об этом чудаковатом профессоре?

– Он знает ответы на мои вопросы. Думаю, знает и на ваши.

– Ответы найдутся и без него.

– Тогда, когда уже будет поздно. Я пробовал раскопать хоть что-нибудь без его помощи...

Никогда в жизни не сталкивался с такой скрытностью. Все службы отказывают. В вежливой форме, но отказывают самым категоричным образом. Правда, удалось получить от Бельского клочок салфетки, и несколько слов карандашом, как исходная точка маршрута – «Архив. Разработка Боул».

– Боул, – машинально поправила Ольга. – Ваш профессор даже название передал с ошибкой.

– Никакой ошибки, – возразил Матусевич. Понять из слова «Боул» хотя бы отдалённую суть разработки было невозможно. Он поскрёб подбородок и на всякий случай уточнил: – Боул – имя. Женское.

– И кто же она? – спросила Ольга.

– Ведьма, – проворчал майор. – Белый призрак чёрного континента, как бы пафосно не звучало. Боул – это Таболич в превосходной степени.

Ольга отодвинула стакан. Уперев локти в стол, пристроила подбородок на скрещённых пальцах и сказала:

– С этого бы и начинали, а то тянете кота за хвост.

Майор выложил всё, что удалось выяснить. Рассказ получился длинным, но Ольга ни разу не перебила. Так и сидела в одной позе. Только зрачки, превратившиеся в точки, и уголки губ, которые временами подёргивались, свидетельствовали о том, что слушает она очень внимательно.

– Вроде бы всё просто, – майор развёл руками. – Но один фрагмент из этой истории не имеет внятного объяснения – ищейки прекрасно знали, где перехватить стрелка. Однако удалось это сделать только после того, как Боул выполнила своё задание. И вот здесь можно сколько угодно рассуждать об интуиции, зверином чутье и подготовке Таболич... Всё это, конечно, и правда, и одновременно полная чушь – Боул прихлопнула бы нашу красотку, как надоедливую муху. Глазом бы не моргнула.

– Не прихлопнула, – задумчиво протянула Ольга. – Что же ей помешало?

– Скорее, вопрос надо ставить по-другому: кто помог Таболич? – сделал вывод майор. – Вот здесь у меня предположений на год вперёд. Наша сумасшедшая – двойной агент или Боул сдали свои? Я склоняюсь к последнему варианту, но доказательств у меня кот наплакал. Был в её команде некий человек по имени Логар. Ещё тот ублюдок из элитного списка полковника Гриши. Если подставил он, то из каких соображений? Тут и без Бельского на целый роман подобных фантазий можно насобирать.

Ольга проигнорировала очередное упоминание профессора и вдруг вспомнила имя мужчины, которого ей сватал в напарники полковник Гриша. Вспомнила и сузила глаза:

– Если вы сейчас скажете, что в разработке встречается упоминание некоего Штольца – я вас сама прихлопну.

– Не скажу, – майор тоже прищурился в ответ. – Не было там никаких немцев – одни африканцы. Таболич сама разрядила всю обойму в правую руку Боул. Практически отстрелила ей кисть, а затем... Затем предложила дикарям позавтракать. Правда, поняли не все и не так.

– То, что у неё мозги набекрень, я знаю. Рискну предположить, что именно после этого случая полковник Хижук, царствие ему небесное, и упёк Таболич в психушку.

– Это было в первый раз. А был ещё и второй, и третий.

– Да уж, наворотил покойничек столько, что разгребать и разгребать, – согласилась Ольга. – Пока я вижу только одну странность – почему он не упрятал свою подручную в камеру с мягкими стенами до конца её никчёмной жизни?

– Ну, – Матусевич хмыкнул. – Она была очень востребованной особой.

– Она такой и осталась, – Ольга скривилась. – Но ненадолго.

Майор навалился грудью на столешницу.

– Вот теперь мы приблизились в этой истории к самому удивительному, к кульминации, к апофеозу, так сказать, – трагичным голосом сообщил он. – Боул выжила. Ей, конечно, серьёзно досталось, – но она просто не может не искать Хромого.

Ольга ошеломлённо округлила глаза:

– Зачем?!

– Наверное, хочет сказать нечто банальное. Например, спасибо, я твоя навеки и так далее, потому что её мучительное путешествие на тот свет прервал спецназ Иностранного легиона. Точнее, один из них. Прозвище можете назвать сами.

После этих слов Матусевич откинулся на спинку скамьи. Он скрестил на груди руки и тихо улыбался, наслаждаясь произведённым эффектом.

– Хромой... – прошептала Ольга. – Теперь я вообще перестала что-либо понимать...

– Бельский понял, – майор качнулся к ней ближе. – Профессор потому и профессор, что умеет сопоставить несопоставимое. В разработке по Боул есть один любительский снимок, которому не придали значения – не было с чем сравнивать. Тем более, о существовании Хромого тогда никто и понятия не имел. Помните фото с Таболич в аэропорту Бейрута? Когда мы впервые получили гарантию, что он – это он? Я их сравнил.

«А я предположила раньше всех, – с горечью подумала Ольга и глубоко вздохнула, чтобы унять внезапно заколотившееся сердце. – И почему-то продолжаю чувствовать себя такой же восторженной идиоткой, как и тогда. Мне бы полгода назад эту информацию – всё бы сложилось совершенно иначе...».

– Помню, – угрюмо сказала она. – Очень хорошо помню. Наконец-то я увидела, как эта дрянь рыдает.

– Вы не зря потратили время на беседу? – спросил Матусевич.

– Откуда у вас такие подробности? – вопросом на вопрос ответила Ольга. – Ни за что не поверю, что эти сведения есть в разработке. А сама эта африканская история настолько невероятна, что вполне может быть, как правдой, так и мастерски сострепанной фальшивкой.

Майор пожевал губами. Всё, что он хотел сказать, ожидая этого разговора с дочерью главы контрразведки, вдруг предстало совершенно не таким безопасным, как ему казалось. Он даже подумал, что Ольга может воспринять его слова, как желание свести счёты с Ярцевым. План, так тщательно взращиваемый из крохотного зёрнышка чёрной зависти, вдруг перестал быть логичным и представился каким-то нереальным, что ли, но всё же он решился.

– Завтра здесь же. В это же время. Я принесу доказательства. Копии, но отличного качества. Всё, как полагается – гриф «совершенно секретно», регистрационный номер, автограф полковника Хижука. И будет главное – фото Хромого в форме Иностранного легиона. Так что можете смело отбросить любые мысли о розыгрыше.

Ольга прикусила губу. Через пару секунд кивнула в знак согласия и твёрдым голосом произнесла:

– Не надо рисковать. Тем более, я категорически против, чтобы сверхсекретные материалы покидали стены управления. Пусть и копии. А теперь, первое – кто? И, второе – почему?

– Должность, – буркнул майор. – И обида. Жгучая и несправедливая. Все ответы можно получить у Бельского.

– О профессоре даже не думайте, – решительно отмела его предложение Ольга. – Найдётся кому им заняться. Мы должны сами найти человека, который служил в одно время с Хромым. Узнаем настоящее имя, а дальше всё проще простого.

– То есть, вы мне поверите и без документов? Без доказательств, которые можно пощупать, пролистать, сравнить? – майор выглядел слегка удивлённым.

– Нет, – она отмахнулась, – но очень хочу, чтобы ваши слова оказались правдой. Отец, наверное, будет меня осуждать. Хотя бы за то, что я вас выслушала и не сдала службе внутренней безопасности. Но мне действительно нужен тот, кто знает Хромого не с той стороны, с которой его знаю я. И нужен позарез!

– Такой человек есть, – сказал майор. – Коваленко Игорь Максимович. Пятнадцать лет за бандитизм. С начальником тюрьмы я уже договорился. Если он ещё что-то помнит, то...

– У таких сволочей хорошая память, – оборвала Ольга. – На то они и сволочи.

Впервые за время разговора она взглянула на собеседника с уважением.

10

– Стоять! Лицом к стене.

Лязгнула дверца в решётке.

– Шевелись!

Прапорщик толкнул заключённого кулаком в спину, а пинком под зад заставил просеменить до середины камеры для допросов.

Насмешливый голос прокомментировал его вынужденное рвение:

– Не торопитесь. У нас полно времени.

В ярко освещённом помещении его ждали двое: майор госбезопасности с грубым лицом и в слишком узкой для его мощной фигуры шинели. Рядом стояла симпатичная молодая женщина с погонами старшего лейтенанта.

«Подстилка, – тут же окрестил её человек в наручниках. – Но не майорская. Рылом не вышел».

Он уселся на привинченную к полу табуретку. Повертел головой по сторонам. Потом окинул женщину жадным взглядом, присвистнул.

– Не хочешь развлечься? – спросил он и нагло поинтересовался у майора: – Оставишь нас ненадолго?

Тот никак не отреагировал на вызывающий тон, заглянул в личное дело.

– Коваленко Игорь Максимович?

Заключённый скосил на него один глаз, продолжая оценивать женские колени. Затем удовлетворённо кивнул, словно что-то решил для себя, и всё тем же развязным тоном ответил:

– Можно подумать, вместо меня кого-то другого притащили. Что ты, майор, вокруг да около? Давай чайку для начала попьём, а потом поведаешь – зачем вызвал.

– Попьём, – тут же согласился майор. – Немного позднее и погорячее. И пока чайник закипает, хотелось бы услышать о причинах, которые десять лет назад вынудили вас так поспешно покинуть страну.

Коваленко подмигнул женщине, повернул голову к мужчине и спросил:

– Каждый раз одно и то же. «Почему?» – «Потому!». Не надоело?

– И всё-таки? – майор был настойчив.

– Прозябание, – заключённый с досадой дёрнул плечом. – Серое и унылое. Крутишься, как белка в колесе, а перспектива одна – дотянуть до зарплаты.

– Прямо юла какая-то, – воскликнул майор и переглянулся с женщиной. – Ещё вчера он сорил деньгами по кабакам, совал шлюхам тысячи в трусы, а потом вдруг всё бросил и рванул в дальние края, будто ему под зад скипидаром плеснули. Интересно, в какой же это момент насыщенная приятными событиями жизнь показалась серой и унылой?

– Мир захотелось посмотреть.

– Скорее, чтобы здесь за решётку не попасть.

– И это тоже. Компания, знаете, неподходящая появилась.

– Захотелось разбавить удовольствия приключениями?

– Примерно, так. В конце концов мало ли экзотических стран на свете. Море, пальмы, знойные женщины в бикини...

– Чёрные? – перебил майор.

Коваленко запнулся, кинул на него подозрительный взгляд. Он выглядел слегка ошеломлённым, а в голосе появились хриплые нотки, когда решил уточнить:

– Кто?

– Женщины в бикини. Чёрные?

– Разные, – ответил Коваленко и пробурчал себе под нос: – Чёрные, белые, красные.

Майор ухмыльнулся:

– Прямо элитный бордель какой-то. Выбирай – не хочу.

Коваленко пожал плечами и осторожно повторился:

– Разные. Выбор-то неограничен. Просто захотелось всего в жизни попробовать.

– И как она, жизнь? В розовом цвете или чёрном?

– Что вы так вцепились в этот чёрный цвет?

Майор переглянулся с женщиной. Та отрицательно покачала головой, по-прежнему предпочитая слушать, а не говорить. Тогда он пояснил:

– Нас интересуют Африка. Точнее, Иностраннный легион.

Коваленко набычился, присохнув взглядом к пластиковой ленте наручников... Несколько лет назад деньги у него водились. Служба в Иностранном легионе была непыльной. Алкоголь, проститутки – этого хватало с избытком. В общем, по закону подлости или божьему промыслу, но когда-то же всё должно было закончиться – пришлось бежать и оттуда...

Майор прошёлся вдоль стены. Остановившись перед дверью, о чём-то задумался.

Женщина устроилась на стуле напротив заключённого, закинула ногу на ногу, сцепив пальцы с ярко-красными ногтями на колене. Затем принялась рассматривать носок сапога, точно выискивая скрытые дефекты на лакированной коже.

Коваленко исподлюбья разглядывал тень от юбки на её бедре, пытаясь определить – она в чулках или колготках.

Все трое молчали, словно в ожидании сигнала, которого всё не было.

Пауза затягивалась.

Наконец Коваленко вскинул голову, вытянул перед собой руки:

– Эй! – позвал он. – Гангрена мне хотите организовать?

Женщина слегка повернула ступню в сторону, продолжая рассматривать лак на сапогах.

Майор громыхнул ботинком в железо двери.

– Снимите, – приказал вбежавшему конвоиру, указав подбородком на наручники.

Растирая багровые рубцы на запястьях, Коваленко проводил спину прапорщика задумчивым взглядом. Уверенности у него слегка поубавилось.

«Что-то паршивое сегодня произойдёт – это точно, – подумал он и вздохнул. – И это что-то, скорее всего, будет сюрпризом. Очень и очень неожиданным сюрпризом. Майор, конечно, что-то разнюхал, но несёт всякий бред, а эта подстилка... в камеру бы её, где десяток мужиков годами фото бабы даже в телогрееке не видели... там бы свои ляжки показала, сучка...».

– Что за странные вопросы? – спросил он и снова вздохнул. – С французами я давно в расчёте. Они там – я здесь. А вам всё чего-то неймётся.

Майор мгновенно уловил и этот вздох, и нервно дёрнувшийся кадык. Возникло острое желание приложить наглеца пару раз мордой в шершавый бетон стены, чтобы ускорить процесс общения, но он решил, что для такой обработки время пока не пришло.

– Ну, так что, любитель экзотики, сыграем с судьбой в рулетку?

Коваленко поёжился:

– Да нет, не надо. Спасибо, конечно, но не хочется. Наигрался.

Майор полез за пазуху, вытянул фотографию и двинулся к нему. Подойдя вплотную, прихватил снимок двумя пальцами за уголки.

– Знакомая рожа? – спросил он. – Тот, что слева в кепи?

Коваленко всмотрелся в картонный прямоугольник. Мужчину на снимке он вспомнил с полувзгляда: тут сомнений и быть не могло – капрал из парашютно-десантного полка Иностранного легиона. Его взвод на месяц отправили к ним для обучения. Вроде бы его звали Креспин. Правда чаще всего он видел его рядом с армейским вертолётком, да и то через колючку – спецназ как-то не пылал жадой общения с остальным контингентом. Потом в городе встречал

несколько раз. А вот как объяснить, кто он такой, понятия не имел. Поэтому молчал, ожидая следующего вопроса, чтобы определиться, что именно этой парочке надо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.